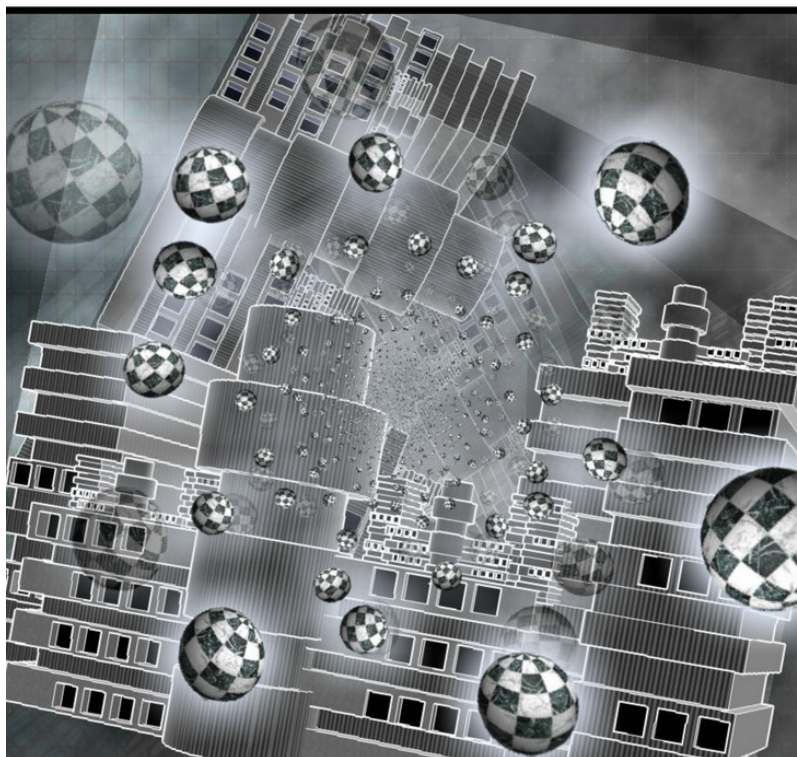

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Неевклидовы люди

Мария Владимировна Фомальгаут

Неевклидовы люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20614580

ISBN 9785448310645

Аннотация

Неевклидовы люди... Люди. Неевклидовы. Вот написал это и зачеркнул. И снова написал. И снова зачеркнул. Потому что вот как можно объяснить, кто такие – люди евклидовы и неевклидовы? А объяснять придется... Я, правда, не знаю, кому...

Содержание

Музыка из утюга	5
Фрегат с гребешком	22
Дикозвир	32
Гаснувший в людях свет	41
Два голема	56
Недозадуманная задумка	68
1	68
2	73
3	75
4	77
5	80
6	82
В терминале	84
Непомнящая память	89
Два цветка на годовщину	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Неевклидовы люди

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1064-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Музыка из утюга

– Что вы помните?

– А?

Кадровик смотрит на меня. Холодно. Пристально. Повторяет:

– Что. Вы. Помните.

– Из... из чего?

– Вы знаете, я о чем.

В груди становится холодно. Еще пытаюсь отшутиться.

– Э-э-э... я на собеседование... в библиотеку наниматься...

– Очень рад. Мы вас берем. Давайте... документы оформим. А теперь расскажите, что вы помните.

Понимаю, что это испытание. Говорю как можно спокойнее:

– Ничего.

– Совсем-совсем ничего?

Развожу руками:

– Ну, подумайте сами, как я могу что-то помнить?

– Значит... не помните...

Кадровик теряет ко мне всякий интерес. Равнодушно заполняет документы.

Что вы помните?

Проклятая фраза не дает покоя.

Оглядываю полупустую улицу, осторожно направляюсь в сторону крашеной девицы.

– Э-э-э... что вы помните?

Девица отступает в темноту ночи, натывается на стену.

– Я... я щас милицию позову.

– Да что вы, я же вам ничего не это... я только спросить, что вы помните?

Шепчет, еле сдерживается, чтобы не сорваться на крик:

– Да ничего я не помню, отстаньте вы от меня!

Отстаю.

Ухожу в холод ночи, в блики фонарей.

– Э-э-э...

Кадровик смотрит на меня, как на... не скажу, что.

– Подождите за дверью.

Успеваю выпалить ему в лицо:

– Я помню.

– Что?

– Вы спрашивали... что я помню. Я помню...

– Дверь закройте. Да не с той стороны, с этой.
Что. Вы. Помните?

– Машины такие...

Кадровик настораживается:

– Летающие?

– Не. В гармошку складываются, и через порталы прохо-

дят.

– Интересно... – кадровик хмурится, – мне почему-то вспоминается, что летали машины... ну я еще маленький был, мне два года было...

– А мне три было. Так что я лучше помню.

– Ну-ну, хорошо вам... а ещё что-нибудь?

– Что – что-нибудь?

– Помните?

– Ну вот, например:

Там, где ветер холодный над звездами стынет,

Застываю, дрожа,

Застываю, дрожа,

И скитаюсь опять день и ночь по пустыне

Я – мираж миража,

Я – мираж миража...

– А дальше?

Смущаюсь.

– А дальше не помню.

– Это что вообще? Песня?

– Ну да. Из какого-то утюга слышал.

Кадровик таращит глаза:

– Из чего-о?

– Из... ну, это фраза такая... Про популярную песню говорят, что она из каждого утюга звучит. Короче, где-то по ра-

дио слышал.

– Отлично. А как радио выглядело, не помните?

– Ну... хоть убейте, не помню...

Просыпаюсь от дверного звонка.

Вот так.

Среди ночи.

Началось.

И не хочется вставать, и теплится чуть живая мыслишка, отсидеться, отлежаться, может, уйдут, да где это видано, чтобы они ушли...

Снова звонят в дверь. Не понимаю, почему звонят, почему не открывают дверь так, что им стоит открыть дверь... вот так... просто...

Подхожу к двери.

– Это я... я...

Женский голос. Припоминаю знакомых женщин, знакомые женщины не припоминаются.

Открываю.

Спрашиваю себя, зачем я открыл, правильно, заходите, люди добрые, среди ночи, берите, что хотите, да у меня и брать-то нечего. Или это эти пришли... те, которые приходят за теми, кто помнит...

Накрашенная девка вваливается в прихожую.

– Здрассьте.

– Э-э-э... не вызывал.

– Чего?

– Не... не вызывал я вас, говорю... квартирой ошиблись.

– Да не за этим я. Вы меня спрашивали... что я помню.
Узнаю её.

Вспоминаю.

– А-а-а... вы что-то вспомнили?

– Ну да. Я это... знаете... серьги такие были... в ушах...
красивенькие такие, блестящие...

Делаю вид, что мне интересно.

– Только это не сережки были, это носитель информации.
И еще с помощью этих сережек можно было к какой-то там
всемирной сети подключаться...

– Это у вас такие сережки были?

– Не... у тетки какой-то видела... а мне так хотелось...
мне тогда годик был...

Мотаю головой.

– Не может ребенок помнить...

– ...что с ним в год было? Вот-вот, мне так все говорят.
А я помню. А вы что помните?

– Да я... немного. Ну вот,

Там, где ветер холодный над звездами стынет,

Застываю, дрожа,

Застываю, дрожа,

И скитаюсь опять день и ночь по пустыне

Я – мираж миража,

Я – мираж миража...

– Ой, это стихи, да?

– Это песня была... по радио звучала. А как радио выглядело, не помню, не спрашивайте. Не помню. И вот еще... машины в гармошку складывались и через порталы проходили.

– А машины синие?

– Слушайте, не знаю... Да вы проходите, повспоминаем еще.

– Да нечего мне больше вспомнить... слушайте, ну честно, нечего... это я так... сказать...

– П-постойте... не уходите!

Женщина краснеет.

– Замужем я.

– Да нет, у нас тут... междусобойчик один, в библиотеке.

– Ой, да некогда мне по междусобойчикам-то.

– Да нет, междусобойчик насчет воспоминаний.

– Да вы что?

– Ну... я, кадровик наш, еще двое парней, старушка одна...

– Здорово...

– В библиотеке собираемся. Знаете, наверное... на Вознесенской.

– Ой, а не опасно? Полиции-то не боитесь?

– Боимся, конечно... а куда денешься, жизнь такая...

Женщина оживляется.

– А у меня муж говорил, у него приятель один вроде чего-то помнит.

– И не донес на приятеля?

– Так вроде бы, черт его пойми, помнит он или нет...
А можно я его тоже приведу?

– Вы не торопитесь, вы сначала узнайте, помнит он или нет?

– Да как я узнаю... чего, вот так подойти и спросить, что ли?

– Ну и подойти, и спросить... вот как я вас спросил...

– Ой, ну не получится так.

Кладу руку ей на плечо.

– Получится.

Начинаю верить сам в то, что говорю. Получится. У каждого из нас есть свои воспоминания о будущем. О будущем, которого не было. О будущем, которое только может быть. Там. Там. Впереди.

Они делают все, чтобы будущее не наступило. Они. Кто они. Все. Там. Наверху. Которые хотят, чтобы все осталось, как сейчас, чтобы не было машин, проходящих через порталы, чтобы не было всеобщего источника информации, чтобы...

Кто-то прячет будущее. Кто-то прогоняет будущее, которое осторожно подкрадывается к городу каждую ночь. А будущее не обманешь, будущее просачивается в сознание людей, снится, – не взрослым, конечно, взрослым некогда –

а детям, в детских снах. И вспоминается потом ни с того, ни с сего, а я же видел, а люди не бензином машины заправляли, а как-то по-другому электричество получали, чуть ли не из воздуха... а-а-а, так это же во сне было, мне в два года этот сон снился...

Ходим по улицам.

Прячем в сердцах кусочки будущего.

Кадровик недоверчиво смотрит на меня:

— А это еще кто с вами?

— Новенькие... кто...

— Какие новенькие, хотите, чтобы про нас тут всем рас-
трезвонили?

— А что предлагаете, вообще людям не верить? Ну, так и будем каждый в своей скорлупе сидеть, будущее прятать... Я с ними говорил уже, нормальные люди...

Кадровик морщится.

— Ладно... ведите... только чтобы в последний раз, нечего мне тут проходной двор устраивать. Вы поймите, не детский сад тут шутим...

Киваю. Чувствую, что краснею, за что он со мной так, будто сам я не понимаю, что не детский сад тут шутим.

Рассаживаемся.

Кадровик заваривает чай, разливает по чашкам. Огляды-
ваю сидящих, ого, много нас, человек двадцать наберется, многолько уже...

– Ну, давайте... кто что помнит...

– А я дома помню...

– Да говорили уже про дома-то!

– Да нет, я помню, как их строили... вот так на машине какие-то блоки подвозят, потом их поднимают, поднимают, как оригами складывают...

Женщина отчаянно жестикулирует, пытается показать, бросается к доске, рисует.

– Вот... вот... они как оригами складывались.

Киваю. Надо же. Как оригами.

– А я помню... там в будущем болезней нету...

– Хочешь сказать, там лекарство от всех болезней изобрели?

– Ну да... оно вообще три копейки стоит, и сделать его легче легкого...

– Так почему не сделают?

– Невыгодно, почему... это же вся фармацевтика к черту пойдет...

Кадровик оборачивается ко мне. Чувствую, что настала моя очередь.

– А вы... что помните?

– Да... как-то ничего...

– Ничего не вспомнили нового? Что ж вы так...

– Да... не вспоминается что-то... – вынимаю пульт управления, парализую сидящих, – ни с места. – — — Следуйте за мной. Вы арестованы. Все.

Всхлипывает накрашенная девица.

– А вы молодец... это ж надо ж было такую группировку накрыть...

Киваю.

– Служу Мегалополису.

– Далеко пойдете.

– Стараюсь.

– Я смотрю, это уже десятое задержание у вас...

– Где-то так...

– Так это вам и премию квартальную можно.

Улыбаюсь

– Не откажусь.

– Домой вас подвезти?

– Да я еще этих чертей по камерам рассадить должен.

– Без вас рассадят, что вы так...

– Не-е, дело свое до конца доводить надо... говорят, примета плохая...

Шеф смеется.

Я тоже смеюсь.

Хотя мне не смешно.

Развожу людей по камерам, тощий парень оступается, покачивается, подхватываю, спрашиваю, чего с тобой, может, врач нужен. Думаю, сейчас начнется, нападут на них всех хворости, был где-то такой совет, если вас посадили в тюрьму, сделайте вид, что вам плохо...

Развожу по камерам.

Приказываю:

– Вспоминайте.

Кто-то еще отпирается, кто-то еще говорит, что ничего не помнит. Старожилы нашептывают, нечего там отпираться, говорите, как есть, а то хуже будет.

Говорят.

Вспоминают.

Самостроящиеся дома и машины в порталах.

Всемирная информация и серьги, хранящие чью-то память.

Я чувствую будущее. Здесь. Совсем рядом. В двух шагах. Оно приближается, оно надвигается, оно совсем рядом, ну, ну...

Будущее тает.

Уходит.

Я понимаю – чего-то не хватило, какого-то крохотного кусочка, клочка воспоминаний, чтобы будущее ожило.

Какого-то крохотного клочка.

Цвета молнии на чьей-нибудь застёжке.

Рингтона в чьем-нибудь мобильнике.

Стоп-сигналов возле портала.

Здесь хочется рвать и метать, здесь хочется пуститься во все тяжкие, искать тех, кто помнит, искать здесь, сейчас, врываться в квартиры среди ночи...

...растираю виски.

Успокаиваюсь.

Ничего. Всему свое время. Не сейчас, не сейчас, еще успеется, еще соберем недостающие звенья...

Это было неделю назад.

Шеф испытующе смотрит на меня.

– Вы полагаете... что с помнящими в мегаполисе покончено?

– Нет. Я думаю... где-то есть еще.

– А почему вы так решили?

– Потому что... – еле сдерживаюсь, чтобы не ляпнуть, что не хватает кусочка воспоминаний, крохотного осколка будущего, – ну... куда они денутся-то, вспоминаящие? Десять лет их навалом было, а тут делись куда-то?

– Вы думаете?

– Ну...

– Или... – шеф смотрит на меня пристально, – или вам еще что-то известно?

Понимаю, что он уже раскусил меня. Ну, не совсем. Ну, почти.

Вздыхаю.

Известно.

– И... что же?

– Остался еще один человек... который помнит... он еще на свободе...

– Где же он?

– Здесь.

– Здесь? – шеф оглядывает комнату, – вы... что вы имеете...

Жму на выключатель.

– Вы. Вы арестованы.

Мой бывший шеф падает, парализованный. Спрашиваю себя, что происходит с телом человека, когда нажимаешь на выключатель. Стараюсь не думать. Не представлять.

– Что вы помните?

Шеф закрывает лицо руками.

– Да говорю вам...

Повторяю. С расстановкой:

– Что. Вы. Помните.

– Я... честное слово, я пытался забыть...

Говорю. Медленно, нараспев:

Там, где ветер холодный над звездами стынет,

Застываю, дрожа,

Застываю, дрожа,

И скитаюсь опять день и ночь по пустыне

Я – мираж миража,

Я – мираж миража.

– И не так там всё было.

Это шеф. Голос его звучит как будто издалека.

– Не так?

– Ну... слушайте... хотя нет, так... там еще дальше...

Мои темные тени темной полночи гуще
На дорогах лежат,
На дорогах лежат,
Разбегаются люди, лишь увидев идущий
К ним мираж миража,
К ним мираж миража.

– Да?

– Ну... Эту песню еще девка пела... худая такая, и волосы дыбом... Я еще сказал, что за мода опять на анорексичек пошла, мне тут кто-то возразил, какая она тебе анорексичка, у неё болезнь какая-то... уже сейчас не помню, как-то назвали... а она ничего, молодец, живет, на сцене поет, держится...

Киваю.

Понимаю, что это был последний кусок будущего. Кусок, которого нам не хватало.

Прислушиваюсь. Ничего не происходит. Не понимаю, как ничего, почему ничего, неужели всё псу под хвост, неужели зря старались...

Будущее наваливается со всех сторон. Резко. Мощно. Безжалостно. Даже не успеваю закрыть лицо руками, ничего не успеваю, оказываюсь в будущем. Странное чувство, жут-

кое чувство, как бывает, когда прыгаешь в воду, и боязно, и опоры под ногами нет, а как, а что, а почему...

Тюрьмы больше нет, тюрьма остается в прошлом, люди расходятся, разбегаются кто куда. Будущее растекается по улицам, тяжелыми каплями падает с мостов, разливается по площадям.

Будущее.

Кто-то стреляет в будущее, кто-то пытается остановить его ограждениями, кто-то орет в мегафон, немедленно покиньте город. Мне смешно. Плевать будущее хотело на ваши мегафоны...

Красное лицо шефа в двух шагах от меня.

– Вы... вы знали это? Вы знали, что так будет? Знали? Да?

Молчу. Отрицать что-то бесполезно. Жду нападения, жду удара, жду чего угодно – ничего не происходит, шеф бросает меня, бросается в сторону будущего, которое извивается по улицам.

Я понимаю, что он задумал. Мне страшно. Я не понимаю, можно ли застрелить будущее, и можно ли вообще как-нибудь убить будущее – но мне страшно.

Еле выжимаю из себя:

– Не... не надо.

– Чего не надо, хотите, чтобы это... это... это вообще все тут разнесло?

– Хочу сказать – что оно нам сделает, понимаю, что делает, и очень много.

Будущее ускользает куда-то в темноту ночи, в сумеречные переулки. Шеф отдает отрывистые команды, окружай, обходи, да куда вы моторы включили, спугнете же...

Обступают.

Окружают.

Шеф шипит мне в ухо, что д тебя доберемся еще, так доберемся, мало не покажется.

– Ну? Кого ждем?

Люди не решаются шагнуть в темноту переулков, где затаилось будущее. переминаются с ноги на ногу, отступают.

– И чего? Хотите, чтобы вас завтра всех уволили к ядерной фене? Вперед пошли уже, трусишки, зайки серенькие...

Мой шеф шагает в темноту ночи, чуть подсвеченную фонарями.

Тишина.

Два коротких выстрела.

С трудом преодолеваю себя, делаю несколько шагов в сторону переулка. Что-то темнее самой ночи мелькает там, в узком проулке между домами. Еще успеваю увидеть то, что было шефом, – исчезает в тумане, кто-то тащит туда обмякшее тело...

Кто-то...

Меня хватают за воротник, тащат назад, еще отбиваюсь, еще получаю тычок в спину, ты чего, рехнулся, щас бы и тебя туда уволокло...

Люди расходятся.

Как-то все. Разом. Понимаю, что мне не остается ничего кроме как идти домой, вон уже и в мегафон объявили, комендантский час, всё такое, всем немедленно идти домой, запастись продуктами, интересно, как и то и другое выполнять прикажете... одновременно...

Спешу домой.

По дороге суюсь в супермаркет, натыкаюсь на толпу людей, иду домой, пропади оно всё.

Хлеб, масла две пачки, курица замороженная, пельмени в морозилке, кофе, чай, сахар, сгущенка даже есть, перекантуюсь...

Смотрю в туман за окнами.

Думаю, что мы все впустили в наше настоящее...

Фрегат с гребешком

Сегодня в Аттакилийском музее неизвестный пытался угнать фрегат.

...да-да, вы не ослышались.

Фрегат.

Угнать.

...злоумышленника не смутило то, что вокруг фрегата нет воды на много километров. Напомним, это уже третья за месяц попытка угнать фрегат «Гиперборея».

Это случилось сегодня, видите, и номер газеты сегодняшней.

А это было давно.

Что было?

А вот.

Фрегат собирается в путь. Это уже не первое путешествие фрегата, не первая экспедиция, фрегат уже немало повидал в дальних краях. Сегодня он отправляется в неведомые моря за гребешком.

Нет, это не тот гребешок, которым расчесывают волосы. И не тот гребешок, который на петушке, золотом гребешке.

А морской гребешок.

Раковина такая.

Большая.

Красивая.

У фрегата много раковин, из разных путешествий на привозил. И со дна самой глубокой бездны Тихого океана, и от берегов Мадагаскара, и с коралловых рифов Австралии, в лесах Амазонки и на вершине Эвереста... Что? Скажете, на вершине Эвереста и в джунглях Амазонки не бывает ракушек? Подвыпивший фрегат в корчме за кружкой доброго эля расскажет вам и не такие небылицы...

Фрегат отправляется в путь, поднимает паруса. Ветер попутный, барашки бегут по волнам. Море спокойно, и фрегат может расслабиться, спуститься в свою каюту.

В каюте у фрегата много чего: астролябии и астрономии, тангенсы и штангенциркули, компасы и компостеры, карты и картуши, кораллы и каравеллы, топинамбуры и тамбурины, – и раковины, раковины, раковины, большие, маленькие, средние, и как рожок от мороженого, и как карманное зеркальце, и всякие. Да вы у фрегата у самого спросите, он вам расскажет и покажет, зря, что ли, ракушки собирал...

Гребешок собирается в путь.

Тревожно гребешку.

Еще бы не тревожно, путь-то неблизкий, путь-то опасный, из милых сердцу морских глубин наверх, где уже небо видно

над океаном.

Что?

Скажите, нет у гребешка сердца?

Ну, может, и нет.

И вот собирается гребешок в путь. Вы не подумайте, гребешок не от скуки гулять отправился, гребешок в экспедицию плывет. Гребешок-то не простой, гребешок-то ученый, гребешок-то кучу академий кончил, всё знает, и про дно морское, и про дальние берега, где живут рыбы с двумя хвостами, хвостами этими они ходят по земле.

Вот гребешок и отправляется в экспедицию.

Искать корабли.

Много у гребешка кораблей, да вы посмотрите, вон, коллекция целая, тут и фрегаты, и каравеллы, и бригантины, и всякие...

Только этого гребешку мало.

Гребешок отправляется в дальний путь, гребешок ищет фрегат. Большой фрегат, красивый фрегат, Гребешок видел его пару раз – издалека, издалека, – восхитился его красотой и величием. Теперь гребешок отправляется в путь, чтобы заполучить чудесный фрегат.

– Вы арестованы.

Человек вздрагивает. Точно пелена падает с его глаз, он спохватывается, а что он делает, а зачем он к фрегату в музей крылья прилаживает, совсем, что ли, взбрел...

Море штормит, фрегат качается на волнах, смотрит в глубину моря. Что-то мелькнуло на волнах, не гребешок ли? Нет, не гребешок, должно быть, кит.

Сердится море, волнуется море, а чего волнуется, непонятно, то ли утюг не выключило, то ли ключи потеряло...

Корабли уходят в уютные бухты, прячутся от непогоды, зовут с собой фрегат. Фрегат не слышит, не слушает, уходит в открытое море, смотрит в глубину.

Тучи сгущаются.

Молнии режут небо.

Грохает где-то высоко в небе.

Смотрит фрегат в пучину моря, ищет что-то. Мелькнуло... померещилось... а нет, вот он, морской гребешок, поднялся из моря, даром, что гребешки на дне живут.

Полный вперед.

Фрегат спешит по волнам. Гребешок уходит все дальше в море, уводит фрегат за собой, дальше, дальше, в бурю, из которой не выбраться...

Фрегат спешит.

Фрегат забрасывает сеть.

С треском ломается мачта... какая мачта? Да вы у фрегата спросите, он все свои мачты наперечет знает по именам.

Гребешок хватает сеть, тащит фрегат на дно.

Молнии пронзают темноту ночи.

Грохает небо.

Фрегат тянет сеть, вытаскивает морской гребешок.

Счет тринадцать-пятнадцать в пользу гребешка.

А?

Не-ет, не один-нуль в пользу фрегата, не-ет.

Это уже не первая экспедиция. И не вторая. И не даже не третья.

– Что вы делали в музее?

– Да я вообще в этот музей идти не хотел, если честно, меня Ленка потащила...

– Я вас не спрашиваю, кто вас куда потащил, я спрашиваю, что вы в музее делали?

– Ну... смотрел, что...

– Вы были пьяны?

– Да только маленько...

– А крылья зачем к фрегату присобачивали?

– Ну, это самое... он мне сказал, что выбраться отсюда хочет... ему надо до ракушки до этой добраться, как её... гребешок. Он сначала колеса у меня просил...

– В смысле, таблетки?

– Да не, в смысле чтобы из музея выехать. Я ему сказал, что двери узкие, он хрен выберется... ну он тогда и попросил, а сделай мне крылья, я в окно выпорхну...

– Что вы курили?

– Да ничего я не курил, говорю вам...

– ...оставьте его, он правду говорит, этот фрегат вообще людей с ума сводит.

– Как с ума сводит?

– Да кто ж его знает, как...

Фрегат покачивается на волнах.

Океан – бескрайний, насколько хватает глаз.

Фрегат возвращается домой из очередного пути. Много повидал фрегат, много чего привез из далекого пути. Еще полдня, и фрегат будет дома.

Что-то мелькает в зеленоватых глубинах моря, что-то, что-то, что-то...

Фрегат бросает сеть.

Морской гребешок ловко уворачивается, уходит на глубину.

Фрегат меняет курс, фрегат забывает, что только что рвался домой, к родному очагу, где можно сидеть в кресле-качалке и вспоминать тяготы дальнего пути. Фрегат несется по волнам, высматривает, куда занырнул морской гребешок.

А гребешок близко, совсем близко, вот он пытается увильнуть от преследователей, вот он скользит, подхваченный волнами, вот он беспомощно падает на прибрежный песок маленького островка.

Фрегат торжествует, – не каждый день такая удача, не каждый день торжествует фрегат. Осталось только бережно подхватить гребешок, выпотрошить нежную мякоть, зажарить

прямо тут, на берегу, положить драгоценную раковину в коллекцию...

Фрегат налетает на подводные скалы, кренится с оглушительный треском, кхр-р-р-к-р-х...

Побеждает гребешок.

Счет двадцать семь – тридцать один в пользу фрегата.

– ...ага, арестовали. Да не, штрафом все обошлось. Да я там почти все доделал, там всего-ничего осталось, и готов корабль. Не-е, мы с пацанами его в космический переделали, теперь летать может. Чего? Зачем делали? Да это самое... он же экспедицию продолжать хочет, фрегат этот... он сам нам так сказал... А? Да не пил я, не-е... да я сам подумал, что с ума спятил, когда фрегат со мной мысленно заговорил...

Гребешок собирается в экспедицию.

Нет, не так.

Гребешок хочет в экспедицию, пора уже в экспедицию, чтобы добыть фрегат. Вот он, фрегат, стоит за четыре ла от гребешка, и добраться до него можно, расстояние всего-ничего, только вода нужна, море нужно, а моря нет, а без моря гребешок сам не двигается.

А вот выловили гребешок, поставили сюда, стой теперь здесь.

– А это старинный фрегат. Вы только посмотрите на его

мачты, на его величественные паруса... А? Нет, эта цепь появилась позднее, на эту цепь посадили фрегат, чтобы он не сбежал. Да, уже бывали случаи, когда фрегат пытался сбежать. Что вы хотите, он привык к экспедициям...

Фрегат слушает.

Думает.

До морского гребешка недалеко, совсем недалеко, четыре залы, каких-то четыре залы, но четыре залы без моря – это даже не бесконечность, это больше чем бесконечность.

Ничего.

Фрегат еще кого-нибудь подговорит. Хотя бы вон того парня, который как-то приходил, у него на лбу написано, что душа у него не на месте. Или вон того, который был с родителями, он, правда, молоденький сильно, лет пятнадцать, ну да ничего, сгодится. Или...

Фрегат ждет, когда придут люди.

День.

Год.

Век.

Ветшают своды музея, чем дальше, тем больше фрегат понимает, что люди не придут никогда, никогда, никогда...

Главное, не забыть счет...

Тишина.

Слышно, как лунные лучи ползут по паркету.

Шурух-грох-х-х – обрушивается колонна, сыплются камни, падают на пьедестал, на котором лежит огромная раковина. Раковина падает, скользит по ступеням из залы в залу, из залы в залу, останавливается перед фрегатом.

Счет обнуляется.

Снег заметает руины музея, серебрится в свете луны.

Это последняя зима. Фрегат знает – последняя, по крайней мере, для него, для фрегата. А потом фрегат разлетится в прах.

И древний музей разлетится в прах.

Два тусклых огонька освещают темноту ночи, – один с одной стороны, другой с другой стороны.

Приближаются к тому, что когда-то было музеем. Измождённый человек добирается по снегу до мраморных ступеней.

Видит другого человека.

На всякий случай прячется. И не зря. По нашивкам на форме узнает солдата вражеской конфедерации, даром, что никакой конфедерации уже нет, а солдат есть.

Человек осторожно поднимает фонарь, подает сигнал людям, которые остались там, снаружи. Люди подбираются к остаткам музея, проходят внутрь.

Вражеский солдат тоже подает кому-то сигнал. Надо бы его убить. Солдата. Только нечем. Ладно, пусть пока живет,

не до него...

Две группы людей собираются у огня в залах музея, перешептываются, решают, что делать дальше. Надо бы тех, других прикончить, и чем ты их приканчивать будешь, голыми руками, что ли... Выбираться отсюда надо, вот что. И как ты выбираться будешь, руками замашешь, полетишь? Да нет, переоборудовать что-то нужно... для полета...

Фрегат прислушивается.

...четыре...

...три...

Что-то закрученное, заверченное поднимается над заснеженной землей.

Ракушка.

Торжествующе смотрит на фрегат.

...два...

...один!

Фрегат несется к далеким звездам, рассекает туманные облака.

Догоняет ракушку.

Экспедиция продолжается.

Дикозвир

– Хулиганит кто-то, – говорит сторож.

Отмывает с парапета следы, жуткие следы, большие следы, – три пальца вперед, один назад.

Вот так, отвернулся сторож, недоглядел, и нате вам, уже мальчишки созорничали, краской следы накалякали. Сторожу теперь влетит, если оттереть не успеет, а чего влетит, сколько раз говорил, видеокамеру ставить надо...

– Уважаемые туристы, а мы с вами подходим к очень интересной скульптуре. Многие из вас уже обратили внимание на фигуру чудовища у входа в замок. Знакомьтесь, это Дикозвир. Страшное имя, да и выглядит он страшновато. Местная легенда гласит, что много веков назад объявился в наших лесах страшный Дикозвир, и повелел, чтобы жители окрестных деревень приносили ему дань. Здешнему феодалу это, конечно, не понравилось, что его власть какой-то Дикозвир захватил. И он повелел убить Дикозвира. И что вы думаете? Лучшие лучники отправлялись в леса, чтобы убить чудовище, но ни один из них не возвращался живым. И как, по-вашему, люди одолели Дикозвира?

– Убили серебряной пулей!

– Святой водой полили!

– Непорочная дева его одолела!

Смех.

– Как думаете, кто угадал? Никто не угадал. Ничего-ничего они с этим Дикозвиром не сделали, вот так и правил здесь Дикозвир долгие-долгие века. И только в последние годы Дикозвир куда-то подевался. Ну а как вы хотите, двадцать первый век, век больших скоростей, информационных технологий, старинным легендам тут приткнуться негде. Вот и пропал Дикозвир. Посмотрите, как его изобразил скульптор, – с головой льва, с рыбьим хвостом, с длинными рогами, сверху копыта, внизу птичьи лапы, три пальца вперед, один назад...

Ты обманул меня, оракул.

Слышишь, оракул?

Ты меня обманул.

Нет, ты меня уже не слышишь, твои кости давно истлели в земле. Ты мертв, оракул. А я жив – твои мечты, что я умру, так и остались мечтами. А ведь как тщательно ты вырисовывал черты лица человека, который должен был убить меня меткой стрелой или пронзить острым мечом! Однако, твои мечты рассеялись как дым – мечты, которые ты гордо называл пророчествами.

Стою у входа в замок, лениво смотрю на идущих ко мне людей – у них здесь что-то вроде паломничества. Отсюда видно кладбище, где покоятся твои останки, оракул, – ты умер давным-давно, а я жив.

– А что же делал Дикозвир, когда люди отказывались платить ему дань? Как, по-вашему?

– Убивал людей...

– Верно, убивал людей. Но не просто так налетал на деревни и губил жителей, не-е-ет. Дикозвир насылал на народ страшные болезни, жег поля, губил скот... вот так он и держал в подчинении всю округу.

– А это что еще такое?

Это директор спрашивает.

Сторож смотрит на следы. Ну вот, опять. И ночи не прошло, а уже следы.

– Э-э-э... озорничает кто-то.

– Так вас сюда вроде и наняли, чтобы не давали озорничать.

Сторож бледнеет. Сейчас на дверь покажут, как пить дать покажут...

– Вы, может, один не справляетесь?

– Э-э-э...

– А то думаю подкинуть сюда еще парочку ребятишек, правда что, замок громадный, одному-то за всем не уследить...

При слове «уследить» сторож вздрагивает.

– Ну что я могу сказать... эта история с привидением...

или что у них там было, чудище какое-то дань брало... Это аллегорическое изображение помещика, феодала, который собирает дань. Правда, обычно в таких легендах люди побеждают, а тут создатели мифа предпочли реалистичную картину, сказали, что чудовище невозможно победить.

Администрация просит туристов воздержаться от посещения Таймбурга вследствие эпидемии в западном регионе. Напомним, от нового штамма пневмонии уже погибли восемь человек...

Оракул, ты обманул меня. Ты обманул и самого себя, и всех людей, которым даровал надежду, которым обещал избавление от моего гнета. В замке до сих пор висит портрет, написанный твоей рукой, портрет того, кто должен был убить меня. Как я рвал и метал, как я искал по городкам и деревенькам его ненавистные черты! Стражники и гонцы приводили ко мне молодых парней, торжественно восклицая – я нашел его, мой господин! – но нет, они приводили мне похожих людей, удивительно похожих – но не тех.

Я так и не нашел его – человека, который должен был меня убить.

Но он тоже так и не нашел меня...

Директор хмурится, еле сдерживается, чтобы не выругаться. Шуточка ли дело, опять следы. Да как издевается кто-то,

перед городской администрацией следы, ведущие к замку.

– Сторож где?

– А не видели его сегодня.

– Та-ак, совсем хорошо, он еще и наклюкаться успел.

Директор спешит к замку звать уборщицу, черт, хоть сам тряпку хватай, иди вытирать следы. Что-то лежит поперек дороги, да не что-то, а кто-то, да не кто-то, а сторож и есть...

– Я стесняюсь спросить, мы вас на хрена на работу наня-
мали, водку пьянствовать?

Директор трогает сторожа за плечо, поворачивает...

...вот черт, это кто его так, собаки здесь, что ли, бродячие,
да вроде отродясь не было...

Пока никто не видит в темноте ночи, оборачиваюсь, смотрю на портрет в зале замка. Иногда мне становится страшно, иногда мне кажется, что пророк не случайно написал этот портрет – он сделал это, чтобы однажды мой убийца сошел с картины, пронзил меня меткой стрелой или острым мечом.

Раньше туристы в шутку приносили к памятнику мелкие монеты. Как дань. Говорят, Дикозвир прогневался, что ему вместо гор золота мелочь всякую бросают. Вот он и послал на нашу округу болезни...

– Утро доброе.

Директор смотрит на нового сторожа, какого черта ему

тут надо...

– Доброе.

– Я что обнаружил-то...

– И что же?

– Да вот... памятник с одной стороны сколот...

– Он уже сто лет как с той стороны сколот, я вам говорил.

– Да, но я что внутри обнаружил... Специально в лабораторию на анализ отнес... короче, бактерии чумы там, вот что. Вы понимаете... в памятнике и правда, проклятие...

– Хотите сказать... проклятие Дикозвира, это не легенда?

– Нет. Древние были правы. Дикозвир насылает проклятия.

– Где же храбрец?

– Он должен прийти... я жду его...

– Вы говорите это уже пятьсот лет, не проще ли признать, что никакой герой не придет, и ваше пророчество не сбудется?

– Не проще. Я видел его во сне. Он придет... он появится...

– Ваши кости истлели и рассыпались в прах, а вы еще во что-то верите?

– На вашем месте я бы не стал делать поспешных выводов.

– Я и не делаю. Я думаю, мы одолеем его своими силами.

Ну не совсем своими... с помощью живых.

– Остановитесь! Не делайте этого!

Директор оборачивается, а мы ничего и не делаем, чего всполошились-то...

– Остановитесь... – музейный смотритель опускается в кресло, – Дикозвир... его еще не...

– ...сегодня снесут.

– Даже и не вздумайте. Вот, посмотрите, что я нашел, – смотритель показывает что-то, завернутое в пакет, – внутри Дикозвира.

Директор шарахается, когда видит кости, вроде бы не звериные, а совсем даже...

– Это... человеческие?

– Вот именно.

– Интересно, сколько веков они здесь лежали.

– В том-то и дело, что нисколько. Кто-то подкинул их совсем недавно. Вырыл на кладбище, принес сюда, чтобы заразить людей чумой.

– Но... зачем?

– Очень просто. Кто-то хочет опорочить Дикозвира. И его уничтожит.

– Уничтожить памятник? Но... зачем?

– Этого я не знаю...

– Хотите сказать, и следы следили, чтобы люди Дикозвира испугались и снесли?

– Именно так.

– Сторожа-то зачем убивать нужно было...

– Кто их знает, что им надо... видно, сильно хотят статую уничтожить... ни перед чем ни остановятся...

– Ну что, дорогие гости, у кого какие остались вопросы? Вот вы, да, пожалуйста!

– А... а это... в вот следы вокруг памятника, это что?

– Какие следы?

– Ну, вот... вокруг.

– А-а, это... нет, это просто хулиганство чье-то...

Они будут наказаны.

Они все. Которые забыли, что значит приносить дань.

Смотрю на городок у подножья замка, на кладбище вдалеке. Отсюда видна могила оракула. Ты ошибся, безумный мудрец, ты ошибся, глупый пророк – я пережил тебя, как переживу всех...

– Ой, Леш, ты смотри, светится как... а это бриллиант? Настоящий?

– А хочешь, я тебе его достану, а?

– Ой, Леш, ну кончай дурака валять, что ты, в самом деле...

– Да не парься ты. Этот дракон, чай, не обидится, у него вон, брюликов до хренища...

– Леш, не вздумай даже!

– Господин, немедленно спуститесь.

– Лёш!

Чрезвычайное происшествие в Таймбурге – турист забрался на гипсовое изваяние Дикозвира, отчего фигура Дикозвира упала и разбилась вдребезги. При падении турист от полученных травм скончался на месте. Предположительно, причиной трагедии стала попытка туриста вынуть камень, украшавший голову чудовища...

– А я знаете что заметил... А вот фотография покойного в газете...

Хозяин с ненавистью смотрит на сторожа, мог бы про покойного не напоминать, и так уже репутацию подмочили...

– Так вот... вы на его фотку посмотрите... а теперь на портрет.

– Вот черт... Ой, да тьфу на вас, и так уже из-за этого покойничка хрен кто сюда приедет... Угораздило тоже...

Гаснувший в людях свет

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Это вальс.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Это звезды вращаются вокруг своих осей.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Танцующие пары в полумраке.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Сияющая звезда приближается к черному карлику, не замечает, как её огненный шлейф наматывается на черный шарик, сильнее, сильнее...

Созвездие.

Прямо передо мной.

Две большие звезды, две поменьше, две совсем маленькие.

Созвездие распадается, из него выпадает крохотная звездочка, приближается ко мне.

– Вы к кому? – спрашивает звездочка матерым басом.

Только сейчас вижу, что звездочка на деле оказывается здоровенным мужичарой вдвое больше меня.

– Э-э-э... к начальнику вашему.

– По какому вопросу?

– Так это... по поводу преступления.

– Преступление, что ли, совершили?

Холодеет спина, вот сейчас меня и арестуют.

– Да нет. Наоборот.

– Это как, наоборот?

– Ну... так... другой человек преступление... совершил... а я рассказать пришел... чтобы преступление раскрыли...

– А, так это вам не к начальнику, это вон...

Мужичара указывает на дверь слева.

– Б-большое спасибо.

Стучу. Никто не откликается. Вот этого терпеть не могу, когда стучу, а за дверью тишина, и черт пойми, есть там кто-нибудь, или нет, и занят он, или не занят, и если не занят, то чем...

Смотрю сквозь двери. Сколько раз зарекался так делать, столько раз смотрел. Сквозь двери.

За дверью одна звезда. Не сильно большая, не сильно маленькая, из таких, про которые сразу ничего и не скажешь.

Вхожу – в любую минуту готовлюсь вылететь обратно под грозный окрик «Я занят!»

– Входите, входите, что вы как не родной... слушаю вас.

Откашливаюсь.

– Понимаете, тут дело такое...

– Телефон украли?

– Не... тут, понимаете...

Ловлю себя на том, что не знаю, как это сказать.

– Я... звезды вижу.

– Астроном, в смысле? У меня сын вот тоже мне мозги вынес, купи ему телескоп...

– Да нет. Смотрю на людей... а в голова у них вижу звезды. Ну... умы человеческие как звезды отображаются.

– Интересно, интересно... – человек за столом постукивает пальцами – Только это вам не ко мне...

Подхватываю:

– ...хотите сказать, мне к психиатру надо?

– М-м-м...

– Нет, я к вам. Вы уж сначала дослушайте, а потом решайте, куда меня, в дурку меня или еще к кому...

– Ну, хорошо... говорите, говорите... – кивает человек. Наконец-то смотрю на человека, а не на звезду внутри него. Молодой парень, интересно, сколько лет его сыну, года три или пять, или сколько там, не знаю...

– Так вот. Смотрю на людей, и вижу звезды. В головах. У кого побольше, у кого меньше...

– Души?

– Возможно... А недавно у нас на работе человек один появился...

– А у него звезды нет?

Меня передергивает:

– А вы откуда знаете? Тоже, что ли, видите?

– Нет. Догадался. И что у него, пусто там, в голове?

– Да нет. Темно. Чернота такая, как...

– ...черная дыра?

– Вот-вот. Черная дыра. А потом я что заметил... он, человек этот, так вот ходит, к кому-нибудь приближается...

– А вы, извиняюсь, где работаете?

– А-а-а... так это... – чувствую, что краснею, – Блинная у нас на углу, «Первый блин», вот я там блины подаю...

– Это откуда блинами за километр пахнет? Слушайте, работа мечты... может, мне тоже бросить всё на хрен, пойти блины разносить?

Выжимаю из себя улыбку.

– Так что вы говорили, человек этот... Как его зовут-то, кстати?

– Тэ... Тимофей... Тимур... Не знаю. На Тэ как-то... Ну вот... подойдет к кому-нибудь заказ принять... и смотрю... вы видели, как черные дыры звезды в себя втягивают?

Парень за столом хмурится.

– М-м-м-м... видел что-то... в телевизоре... Хотите сказать, он вот так же из людей свет вытягивает?

– Ну...

– И свет после этого в людях...

– ...гаснет.

– А люди...

– ...не умирают, нет.

– Ну, уже хорошо. А вы-то сами как думаете, это что такое? Души? Энергия какая-нибудь жизненная?

– Гхм... не знаю.

– Видите, и не знаете?

– Ну так мне же никто не сказал, что это такое... В детстве пальцами в людей тычу, а там у них в голове чи-во, и мать по рукам хлопает, не балуюсь...

– А может... а может, оно людям и не нужно вовсе, сияние это?

– Ну, если есть, значит, нужно.

– Не факт. Аппендикс вон не нужен... зубы мудрости...

– Не, аппендикс, говорят, штука нужная, там бактерии какие-то для иммунитета...

Человек за столом вздрагивает:

– Да вы понимаете, что мне не за что его арестовывать? Я как сказать должен, вы арестованы за похищение... чего?

– Ну... Да я и сам не знаю, что делать... Это я так... расказать...

– Ну, хорошо, спасибо, что сообщили, – он пожимает мне руку, сильно, энергично, – разберемся.

Смотрю на него. Понимаю, что ничего он не разберется.

Знакомое лицо...

...нет, показалось.

Нет, не показалось, полицейский и есть. Хочу кивнуть ему, как знакомому, он делает мне неприметный знак – не узнавай меня, не узнавай.

Ёкает сердце. Значит, всё-таки разберется, как обещал.

Может быть.

Тэ подходит к посетителю, вежливо спрашивает, чего изволите, парень за столом изучает меню, а чего у вас тут повкуснее, а с икрой есть...

Слежу.

Черная дыра осторожно тянет на себя лучик света из человеческой головы. Еле сдерживаюсь, чтобы не крикнуть, берегись, или что-нибудь в этом роде.

Не кричу. Жду, что будет дальше.

Парень за столиком делает вид, что изучает меню, нет-нет да и подносит руку к виску, – я вижу, что он чувствует черную дыру рядом с собой, первый раз вижу, чтобы люди чувствовали.

Чернота пытается намотать на себя свет, свет наматывается медленно, нехотя, не сразу понимаю, что парень сопротивляется, и это я тоже первый раз вижу, чтобы человек сопротивлялся.

Тэ или как его там вежливо улыбается, работа у него такая улыбаться и подавать блины. Но уже вижу в его лице какое-то напряжение, зубы сжимаются, и что-то подсказывает мне, что тут сколько не сжимай зубы, свет из человека не вытянешь.

Тэ спешит на кухню за заказом, перевожу дух – отстал от посетителя, отстал. Как бы не так, а вот и нет, тянется, тянется невидимая связь, тянет звезду черная дыра.

Парень начинает проигрывать.

Шаг за шагом теряет свой свет, смотрит на меня, будто

извиняется, ну а я-то что могу поделать, силён он, силён...

Черная дыра наматывает на себя свет, и...

...отпускает.

Не верю себе. Не понимаю.

Отпускает.

Торжествующе смотрю на парня, наша взяла. Парень качает головой, нет, не взяла, тут другое что-то...

– Тут другое что-то... Отпустил он меня... черт его пойми, чего он меня отпустил...

– Не понравились вы ему?

– Да нет... Тут другое что-то...

– Что другое?

– Черт его пойми...

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Это вальс.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Это звезды вращаются вокруг своих осей.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Танцующие пары в полумраке.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Сияющая звезда приближается к черному карлику, не замечает, как её огненный шлейф наматывается на черный шарик, сильнее, сильнее...

Спрашиваю Тэ.

Откровенно.

Вот так.

В лоб.

— А вы звезды видите?

— Так небо всё в тучах, какие звёзды...

— Да нет. Эти... в головах.

— Это... это вы о чём?

Смотрю на него. По глазам его вижу, понимает, всё понимает, только вид делает...

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Танцующие пары в полумраке.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Сияющая звезда приближается к черному карлику, не замечает, как её огненный шлейф наматывается на черный шарик, сильнее, сильнее...

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Парочки танцуют, совсем еще юные, отмечают выпускной какого-то там класса, девчонки с мальчишками кружатся в танце, —

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Пронесется в танце мимо меня, не замечают, как сияние в их головах наматывается на меня...

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Отступаю в тень — дело уже сделано, теперь сияние никуда

от меня не уйдет.

Шагаю к Тэ.

– Прекрати.

– А?

– Немедленно... прекрати.

– Чего прекрати, я блины эти не притащу, они меня самого вместо блинов сожрут.

– Да нет. Ты знаешь, я про что говорю.

– Не... не понимаю.

– Чего не понимаю, прекрати сейчас же, или я тебя руками своими задушу...

Отскакивает.

– Ты... ты чего, с ума сошел?

Понимаю, что ничего от него не добьюсь. От слова совсем. Тэ или как его там не замечает моих взглядов, направляется к столику, где сидят четыре девчонки, лениво наматывает свет с девчоночьих голов, раз, два, три...

Замирает возле четвертой.

Прикасается к ней, будто пробует свет на вкус.

Отступает.

Девчушка что-то рассказывает Тэ, а у бабушки блины с мёдом, а тут, у вас, с шоколадом, а я ванильные люблю...

Тэ вежливо кивает.

Улыбается.

Отступает назад.

Подкарауливаю Тэ в коридоре, спрашиваю:

– А четвертая тебе чем не понравилась?

– Ты про что?

– Да про то... сам знаешь... про девчонку ту...

– Чего про девчонку, нормальная девчонка, классная...

Понимаю, что ничего от него не добьюсь.

Совсем.

Прохожу мимо зеркала, что-то настораживает меня, что-то не то, чего-то не хватает...

А.

Ну да.

Только сейчас понимаю, что он забрал свет и у меня.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Антон ничего не заметил. Антон. Вроде его Антоном зовут.

Нет. Заметил, оглядывается, как всегда оглядываются люди, когда чувствуют, что у них что-то забрали, важное что-то.

Шагает ко мне, три шага, раз-два-три...

Спрашиваю как можно вежливее:

– Что-то потеряли?

– Верни... немедленно верни, с-сука...

– Что вернуть?

– А то сам не знаешь...

– Я у вас ничего не брал.

– Хорош придуриваться...

Выворачиваю карманы, бросаю на стол ключи, мелкие монеты, смятые бумажки...

– Вот, смотрите, ничего я у вас не брал... ну можете обыскать, да пожалуйста, только пока на меня наезжаете, вещь-то ваша не найдётся...

Кто-то трогает меня за плечо.

– Разрешите вас на два слова.

Оборачиваюсь, смотрю на крепкого парня за моей спиной, понимаю, что разговор будет серьезный.

Проскальзываю в неприметную дверь, по коридору, и дальше, на лестницу, к выходу, врешь, не возьмешь...

– Стой!

Бегу в темноту ночи, не на того напали...

– Стой!

Слышу, как взводят курок.

Там, за спиной.

Чер-р-рт...

Бегу (раз, два, три), ожидаю выстрела в спину.

Нет.

Никто не стреляет.

Не понимаю, как, почему, чего они испугались-то.

Никто.

Не.

Стреляет.

– Почему... почему вы не стреляли?

Полицейский смотрит на меня. Отрешенно.

– Это... это не то, что мы подумали.

– Что не то?

– Не то... никуда он не переправляет свет этот.

– Тогда...

– ...он его хранит.

– Хранит?

– Ну... отбирает у тех, кто свет всё равно потеряет в жизни. И у себя хранит.

– И... что с ним делает?

Парень пожимает плечами, мол, я-то откуда знаю.

Пустота.

Иначе это не назовешь – пустота. Вроде всё то же самое, и я тот же, какой был, только...

Пустота.

Нет, не в голове, и не в груди, и вообще не поймешь где, но – пустота.

С ненавистью вспоминаю Тэ, забрал-таки, забрал, забрал...

...что забрал?

Не знаю.

Но забрал.

И в то же время понимаю, что ругать надо себя, сам упустил, сам не удержал, что упустил, что не удержал, непонят-

но, но – упустил.

Отчаянно вспоминаю, что именно я мог упустить.

Душу...

Нет, не то, что такое вообще, душа...

Тут другое что-то...

Другое...

Что...

Вспоминаю себя, каким я был до того, как потерял (что?), до того, как не удержал (что?), до того, как у меня забрали (что?).

– Мам, а когда свет выключается, он куда девается?

– Молчание.

– Ну, ма-а-а-м!

– Да не ори уже, у меня от тебя голова раскалывается!

– Мам, а звезды днем куда деваются?

– Ты где так изважукался-то, горе ты моё, у тебя руки из жопы или откуда?

– Мам, а я видел... звезды днем видны...

– Так, быстро доел и оделся, из-за тебя опаздываю, горе ты моё!

– А ты тоже на пересдачу?

– Не... я так...

– Чего так?

– Да у физика спросить хотел... куда свет девается, когда гаснет...

– Ты чего, отмороженный? Не, ты скажи, тебе это правда надо?

– А я астрономом буду...

– Еще ты кем будешь? Ты на что жить вообще собираешься?

Сжимаю кулаки.

Вспоминаю себя до того, как потерял свет.

Кружится мир вокруг, похоже, трех стаканов много было...

Раз-два-три, раз-два-три...

...пропади оно всё, пропади, пропади, пропади, я же не это хотел, не блины носить, я же тоже в детстве канючил, телескоп просил...

Кто-то окликает меня.

Ускоряю шаг.

Кто-то снова окликает меня, делать нечего, оборачиваюсь, вижу Тэ, ну что тебе еще, что...

– Я вам вернуть должен...

Меня передергивает, ну что он там у меня занимал, пропади оно всё...

– Не... не надо.

– Надо-надо, – он прикасается к моей голове.

Догадываюсь, что именно он хочет вернуть.

– А вы думаете... я не потеряю?

Тэ кивает.

– Не потеряете. Теперь не потеряете.

Два голема

Сердце, пронзенное стрелой.

Здесь.

На камне.

И всё бы ничего, если бы до людей не было миллиарды километров. Или сколько там, я не знаю.

Смотрю, еще пытаюсь найти какие-то доказательства, что это ветер так выветрил камень, или еще что, — да нет, не ветер, не еще что, так и есть, сердце, пронзенное стрелой, как на скамейке в парке.

Здесь.

За миллионы километров от Земли.

Выхожу на связь. Делать нечего, выхожу на связь, хоть голос меня не слушается, и руки меня не слушаются, трясутся, че-р-р-р-т, вот и вся подготовка псу под хвост...

Слушаю вас.

Это шеф. Как-то спокойнее становится, когда рядом шеф, сейчас скажет, что делать, да ничего он не скажет, что делать, заорет, а-а-а, здесь решения принимаете вы... А если сам начнешь решать, что делать, куда идти, так выволочку получишь, что своевольничал.

— Э-э-э... тут на камне... сердце, стрелой пронзенное...

— Ой, как хорошо... друг мой, а я вас что просил искать?

— Зве... звезды. Нарисованные.

– Ой, как хорошо, запомнили. Звезды. Сердце от звезды отличить можем? По геометрии-то что в школе было?

– Тройка.

– Ну вот, целая тройка была... значит, отличим... давайте... ищите...

– А... а можно вопрос?

– Нужно.

– А... откуда тут сердце со стрелой взялось?

– Люди нарисовали, откуда...

– А... здесь же людей не было никогда, вы сказали.

– Не было, откуда здесь люди, кто ж на пустую планету попрется...

– Но люди нарисовали.

– Нарисовали.

Звезда.

Нет, не звезда.

Вернее, звезда, но не такая звезда. Не семиконечная, которую мне шеф показывал, а какая-то о шести концах, два треугольника, положенные друг на друга, это называется... сейчас вспомню... звезда Давида это называется, вот как.

Не то.

Еще сердце, пронзенное стрелой. Еще какие-то каракули, с трудом угадываю слова, Алексей... Иваничко... 2013 г.р....

Не то.

Отчаянно стараюсь отогнать от себя проклятую мысль, что не может здесь быть никаких надписей, потому что людей здесь не бывало... никогда...

Голем.

Вот как это называется. Голем. Было что-то такое в пражских легендах, существо какое-то глиняное, ходило туда-сюда, неприкаянное, вернее нет, сначала своему хозяину служило, а потом, когда хозяин умер, Голем ходил-бродил сам по себе...

Или нет, он убивал кого-то вроде...

Надо же, я еще думать могу, я еще что-то вспоминать могу, еще стою, вспоминаю, когда нужно дать деру, и чем быстрее, тем лучше, если вообще успею от него убежать...

Если успею...

Он приближается ко мне. Шаг-шаг, шаг-шаг, тум-тум, тум-тум, беззвучно ударяет ногами в песок, беззвучно, потому что здесь нет воздуха, но я ногами чувствую его шаги по песку, тум-тум, тум-тум, тум-тум...

Голем.

Бегу. Надо бы еще подумать, откуда здесь Голем, только некогда додумывать, бежать надо от каменного чудовища, бежать...

Тум-тум. Тум-тум.

Так бывает в страшном сне. Когда надо проснуться, и не просыпаешься, спотыкаешься, падаешь в песок, вста-

ешь, снова бежишь, бежишь, бежишь...

Портал.

Он кажется бесконечно далеко, он и есть бесконечно далеко, до него бежать и бежать, легко сказать – бежать, когда страх парализует тебя...

Нет, к этому меня не готовили. Учили, что делать, если разгерметизация, если портал сдох, если обесточивание, если на планете озера с серной кислотой горят, а скафандр на жару такую не рассчитан, это учили.

Но про такое как-то не рассказывали, что за мной Големы будут бегать.

Сворачиваю налево, направо, плутаю в лабиринте камней, черр-р-рт, где этот проклятый портал, должен быть портал. С размаху впечатываюсь в стену, откуда здесь стена, не было же стены, да как не было, всегда была, дорогу правильную надо было выбирать...

Тум-тум, тум-тум, тум-тум.

Там. Сзади.

Оглядываю стену, должен же быть выход, выход-выход-выход, стена, расступись... Стена не расступается, оглядываю надписи на стене, вижу семиконечную звезду, вот она, родимая, да-а-а, поздновато я её увидел...

Тум-тум, тум-тум-тум-тум.

Совсем близко.

За спиной.

Оборачиваюсь, смотрю на груду камней, которая прибли-

жается ко мне.

– Чего надо-то?

Не сразу вспоминаю, что он меня не услышит.

Тум-тум, – Голем проходит мимо, утыкается в стену.

Рисует на стене семиконечную звезду.

И еще одну.

И еще.

Спохватываюсь, выхожу на связь.

– Слушаю вас.

– Я... это... я звезды нашел. Семиконечные.

– Много?

– Порядочно.

– Так. Теперь меня слушайте. Внимательно. Вы посмотрите, где этих звезд больше всего...

– ...и кто их рисует, я тоже нашел.

– Да вы что?

– Ага... Голем.

– Го... чего?

– Голем... ну... чувак такой каменный в Праге...

– А-а-а, ну-ну... Вот что... вы этого Голема ко мне привести можете?

Вздрагиваю.

– А... он же...

– Чего?

– Убьет он Меня. И вас.

– Чего он меня убьет, он что, на людей бросается?

– Да нет...

– А нет, так чего боитесь-то...

– А он на стенах рисует...

– Пусть, пусть рисует...

Хочу спросить, а зачем ему вообще тогда доску покупали, если все равно все стены изрисовал.

Не спрашиваю.

Не мои проблемы, в конце-то концов.

– Вы там смотрите хорошенько, что он рисует...

– Звезды. А вот, еще буквы пишет, А, Эл...

– Алюминий?

– Не-е, по-русски...

– Ну следите, следите...

Не выдерживаю.

Спрашиваю то, о чем хотел спросить с самого начала:

– А... а Голем откуда взялся?

– А, Голем-то... Вы извините, мы вас туда работать забросили, даже толком не сказали, что к чему... долгая история...

– А я истории люблю. Особенно длинные.

– Ну что... с квантовой физикой дружим?

– Ага, выпиваем вместе по пятницам.

– Вот-вот. Ну так вот... Есть такое дело, свойства одной частицы можно передать другой частице... на расстоянии.

– Ага.

– Чего ага, по физике-то в школе что было?

– Тройка.

– Ну вот, целая тройка была, значит, поймете. Ну и вот.

В прошлом веке то же самое с людьми делали...

– Чего делали?

– Сознание одного человека могли передать другому...

и неодушевленному предмету тоже могли передать.

– Я такое в книжке какой-то читал, там ужасы всякие были.

– Ой, молодец, книжки читает, по чтению-то поди пятерка была?

– Тройка.

– Ну вот, целая тройка. А по астрономии что?

– А не было у нас астрономии.

– Правильно, зачем её учить, Земля же на трех слонах стоит...

– На четырех. А те на черепахе.

– Вот-вот... Ну вот, находили в космосе планету... для исследования...

– Ну-ну...

– Находили на ней глину какую или песок...

Догадываюсь:

– И в неё сознание человека подключали, да?

– Вот-вот. Много таких вылазок было...

– А сейчас чего так не делают? А-а-а, ну да, порталы же появились.

- Ну да, во-первых, порталы. А во-вторых секрет утерян.
- Ничего себе, это кто ж так технологию продолбал...
- Да никто не продолбал, жива технология, мы всё по ней делаем, и не получается ни хрена...
- А разработчик...

Не договариваю, уже догадываюсь, что случилось с разработчиком.

– Умер.

– А вы, значит, голема хотите разобрать? Посмотреть, как он устроен там?

– Не догадались. Думаем, думаем... Чего по логике-то было?

– Тройка.

– Ну вот, целая тройка, значит, догадаетесь...

– А-а-а... это и есть разработчик этот?

– Он самый. Вот и надо из него инфу вытянуть...

Осторожно, бочком-бочком подбираюсь к Голему:

– Э-э-э... Вы нам помогите пожалуйста... вы эту телепортацию открыли... квантовую... ну, не квантовую, не знаю, какую...

– Не слышит он вас.

– А как ему, написать надо?

– Никак ему не надо, не поймет он...

– Тогда как же...

– А вот. Смотрите, что пишет... может, напишет чего...

Голем старательно выводит на стене звезду о семи лучах.

– А мне биографию его посмотреть можно?

– Да нету там ничего, смотрели уже.

– А всё-таки... посмотреть хочу...

– Друг мой, а ничего, что сейчас три часа ночи? У вас по поведению что в школе было?

– Двойка.

– Ну вот, целая двойка была. А старого человека среди ночи будите. Так что вы хотели-то?

– Он всё на стенах пишет А-Л-И...

– И?

– Так я тут биографию его посмотрел... была у него такая, Ализабет.

– Жена его?

– А черт их знает, я только фотку ихнюю нашел...

– И при чем она тут?

– А вот... он всё на стенах пишет, Али, Али...

– Шеф фыркает.

– Скучает.

– Ну...

– Так может, это... найти её, дамочку-то?

– Так в сырой земле уже лежит тел двадцать как... Хотя... постой. Найдем мы девчонку его... найдем...

– Ну что, парень, ты у нас задания сложные выполнять

умеешь, я вижу...

Настораживаюсь. Не люблю я, когда так говорят, не люблю.

– Дамочку-то мы его нашли...

– ...в земле?

– Не-ет... тут другое. Дамочка-то эта тоже космос исследовала...

– Она там? На той же планете?

– Да в том-то и дело, что не на той же. Вот теперь её ищисвищи...

– Буду искать... свистать.

– Ну, молодец... удачи...

Слышу иронию в его голосе, мол, ну-ну, чёрта с два ты чего найдешь...

– Ну что... идите ко мне...

Это шеф. По интонации понимаю, что ничего хорошего меня не ждет. Иду, еще надеюсь, что обойдется, интересно, как оно обойдется...

– Как вы дамочку-то его упустили?

Делаю вид, что очень удивлен.

– Какую дамочку?

– Да его дамочку, какую, какую...

Опускаю голову.

– Виноват.

– Чего виноваты, вы только вид не делайте, что её не узна-

ли.

– Честно. Не узнал.

Не умею я врать, не умею, видит он, что я вру, насквозь видит...

– Так зачем вы её упустили-то?

– Да... растерялся как-то...

– Врите больше, растерялся он, никогда не терялся, а тут нате вам... Так всё-таки, что случилось-то?

– Я...

Понимаю, что не смогу ответить.

– Ладно, неважно, всё равно поймали её уже...

Меня передергивает.

– К-как поймали?

– Да другие-то в отличие от вас ушами не хлопают, или чем вы там хлопали, почему упустили...

– Вы... постойте, вы их вместе не...

– ...свели, свели, устроили им свидание...

– Разгоните их... немедленно разгоните, слышите?

– Да что такое, они же...

– Разгоните! Разведите их по комнатам, немедленно! Где они? Где...

– Да вон, в комнате...

Распахиваю дверь, смотрю на груды камней.

– Опоздали, чер-р-р-т...

– На что... опоздали?

– На что, на что, вы хоть понимаете, что это она разработ-

ками занималась, а он так... на подхвате?

– Ну да?

– Да ну. Он её убил потом... из зависти...

– Это вы с чего взяли?

– С того... записи их разбирал, документы старые... он потом все её разработки себе присвоил, типа он такой крутой...

– Слушайте, вы меня разыгрываете...

– Если бы... так что напрасно вы их вместе свели, теперь мы вообще никогда ничего не узнаем...

Мой начальник вздрагивает.

– Узнаем. Всё узнаем. Еще соберем её, еще склеим... может быть...

– Легко сказать, как склеим, он теперь и не подпустит к ней...

Шеф смотрит на меня. Насмешливо:

– Да вы что, Голема одолеть не сможете?

Здесь нужно сказать нет. И не говорится нет.

Тум-тум, тум-тум.

Приближается Голем.

Выхожу на битву...

Недозадуманная задумка

1

– Принесли?

– А?

Смотрю на него, не понимаю, ко мне он обращается или к кому.

Он начинает сердиться.

– Принесли, спрашиваю?

Только сейчас понимаю, что что-то лежит у меня в руках, да не что-то, чемодан, значит, похоже, принес.

Весь вопрос, что принес.

Куда.

И зачем.

И вообще, что я здесь делаю. Здесь. В городе, который когда-то был живым, а теперь стоит заброшенный, черт его пойми, почему. Здесь. На крыше дома, который должен упасть с минуты на минуту. Здесь. В двух шагах от человека с лицом голодного хищника, вот так посмотришь на него и думаешь – лицо голодного хищника.

Итак.

Что.

Я.

Здесь.

Делаю.

– Так принесли или нет?

– Ага... принес... принес...

Протягиваю чемодан, в последнюю секунду спохватываюсь, отдавать или нет, а то мало ли там что...

Поздно.

Уже отдал.

Он раскрывает чемодан, смотрит в пустоту.

– Здесь... ничего нет.

Уже и сам вижу, что ничего нет. Чувствую себя полным идиотом, всё-таки спрашиваю:

– А... что там должно было быть?

Он вспыхивает:

– Это я у вас должен спрашивать, что там должно быть!

Парирую:

– Если не знаете, то за чем же вы пришли?

– Зачем, за... – он осекается, замолкает, – стойте... дайте подумать... а чего мы тут с вами на холоде стоим, пойдемте, что ли... найдем, где ветер не дует...

Устраиваемся в маленьком баре, вернее, в том, что раньше было маленьким баром. Голодный хищник постукивает пальцами по столу, шурится.

– Итак... вы должны были передать мне что-то... что?

– Не знаю.

– И я не знаю. Мы должны были встретиться...

Молчу.

– Ну что молчите, должны мы были встретиться?

– Н-наверное.

– Что значит, наверное, мы с вами о встрече договаривались?

– Н-нет.

– Тогда как вы здесь оказались?

– М-м-м...

– Как вас зовут?

Понимаю, что не помню, как меня зовут. Вернее, не так. Не знаю.

– А вас?

– Тоже не знаю. А что вы вообще помните?

Отчаянно стараюсь что-то вспомнить, ничего не вспоминается, совсем, совсем, совсем, хотя...

А.

Вот.

– Сердечный приступ.

Хищник хмурится.

– Приступ?

– Ну. И насмерть.

– Это... это с вами приступ был, что ли?

– Нет, я же жи... – хочу сказать, что я живой, начинаю сомневаться, а так ли это.

– Стойте, я тоже приступ помню, – говорит человек с ли-

цом голодного хищника.

– Вы тоже... умерли?

– Нет... я еще не родился. И вы тоже.

– То есть?

– Стойте, стойте, дайте подумать... – растирает виски пальцами, жмурится.

– Вот что... это задумка такая была, – говорит он.

– Какая задумка?

– Не знаю. Для романа. Для сценария. Не знаю, для чего.

Человеку одному в голову пришла.

– К-какому человеку?

– Автору нашему. Вернее, несостоявшемуся автору. Задумка ему в голову пришла, стоят два человека на крыше заброшенного дома, один другому передает что-то, что-то важное...

– Что?

– А тут он не додумал... тут его сердечный приступ и хватил.

Не понимаю:

– А что... истории, что ли, с конца придумывают?

– Именно что с конца, а вы не знали?

– Да... как-то литературой не занимался...

– А теперь придется заняться.

– В смысле?

– В смысле... если мы свою историю не допишем, её ни-

кто не допишет... не допридумывает. Итак... вы мне должны были принести что-то... что-то важное...

Откашливаюсь.

Осторожно начинаю:

– Так вы один из создателей...

– Нет, я не создатель.

– Но...

– Вот я не знаю, с чего вообще люди взяли, что я создатель... нет, когда я пришел сюда, всё уже было создано. Мне оставалось только удивляться.

– Ч-чему удивляться?

– Вернее, не так. Сначала мне пришлось влюбиться.

– Влюбиться?

– Ну да. Я её увидел в окне дома. Знаете, дом такой старенький, трехэтажный, ну мне тогда показалось, что трехэтажный, а на последнем этаже девушка была... я её даже не разглядел толком. Просто торкнуло что-то, знаете, как бывает...

– Знаю.

Да ничего вы не знаете, по глазам вашим вижу, что не знаете, натура у вас такая, в каждую встречную влюбляетесь... это не то... Так вот. Торкнуло что-то. И помню, поклонился ей еще, жалко, шляпы не было, а то бы и шляпу снял... И она мне рукой из окна машет. Приглашает, значит. Вернее, это я так решил, что приглашает. Хотел в дом подняться, пого-

ворить... И тут на тебе...

– Не пустили, что ли?

– Какое там не пустили! До меня только потом дошло, что верхний этаж вот он, четкий такой, видный, а нижних этажей нет.

– И вы подумали...

– Думал, иллюзия какая-то... мираж... И когда второй такой дом увидел, тоже думал, мираж...

– А нижних этажей у вас что, нет?

– Нет. Но они есть.

– То есть... есть где-то этажи?

– Есть. Но их нет.

– А если серьезно?

– А если серьёзно, физику высших измерений знаете?

– Откуда мне её знать...

– Ну вот, не знаете, а что спрашиваете тогда...

– И вот так вы попали к ним?

– Нет, так я к ним еще не попал, до попадания еще много чего было... не сразу я к ним пришел, не сразу...

– Ну и что это такое?

Человек с лицом голодного хищника тычет пальцем в моё интервью.

– Что это за хрень, я спрашиваю?

Нет, не так я представлял себе начало нашей истории, не так. Виделось другое что-то, погоня какая-нибудь, с перестрелками, с беганиями по крышам, с падением с головокружительной высоты, с... не знаю еще, с чем.

– А здесь все вот так, обыденно, тащусь к редактору со своим интервью, а он рвет и мечет, готов разнести меня в пух и прах...

– А... что такое?

– Слушайте, Вадим, вы меня совсем за идиота-то не держите... ну не попали вы к Амадеусу этому, ну и ладно, я же все понимаю, и у журналистов промахи случаются... Ну так врать-то зачем?

– К-кому врать?

– Мне, кому. Расписали тут... на миллион страниц... А побольше-то ещё написать не могли?

– Да я вообще хотел на книгу целую наскрести...

– Оно и видно, что как врать начнете, так и не остановитесь.

Вспыхиваю.

– Да не врал я!

– Ага, врите больше, не врал он... значит, в Кёльн ездили?

– Ездил, могу билеты показать...

– И с Амадеусом виделись?

– Виделся, могу...

– Ой, молодец какой... и он вам всё это рассказал?

– Рассказал. Вот... запись диктофонная...

– Ой, молодец, смонтировали...

– Да не монтировал я, я же...

– Ах, не монтировали? А как вы тогда вот это вот объяс-

ните, а?

Редактор мечется по комнате, вынимает с полок книги, книги, книги, надо же, он их все наперечет знает, я думал так, для красоты стоят...

Смотрю на книги. Листаю.

Что-то обрывается внутри.

– Это всё... биографии его?

– Ну а то.

– И...

– Вот и И. Вы бы не поленились, почитали бы, что другие-то про Амадеуса писали, а то умный такой, напридумывали...

– Да ничего я не придумывал!

– Ах, не придумывали? Вот и не поленились, посмотрите, что вы пишете, а что люди пишут...

Я её ненавидел.

Собственно, чего ради я её ненавидел, кто я такой, чтобы её ненавидеть, кто я такой, чтобы она вообще замечала меня.

Она.

Кто она.

Я даже не знал её имени.

Я даже не знал, есть у неё какое-то имя или нет. Наверное, все-таки было, были же у них какие-то имена.

У них.

У кого, у них.

Что мы вообще знали про них.

Специально не ставлю знаки вопроса там, где они должны стоять. Ненавижу знаки вопроса, ненавижу не знаю с каких пор, да с каких, с тех самых, когда забрасывал их вопросами, этих, которые в висячих домах, спрашивал, да как, да что, да почему, они смотрели на меня – презрительно, холодно, объясняли со снисхождением, мол, что ты вообще понимаешь...

Она так и не вышла ко мне в лабиринте домов.

Она.

Кто она.

Не знаю.

Я даже не знал её имени.

Уйти. Кажется, так просто – уйти, исчезнуть, больше не появляться в этом доме без нижних этажей, и пусть живут себе как хотят, только чтобы без меня, без меня, без меня.

Уйти.

Легко сказать уйти, когда не уходится, когда ноги сами несут сюда, к дому без нижних этажей...

Последний раз.

В который раз говорю себе – последний раз.

А потом уйти.

От них. От этих, которые возомнили о себе черт знает что. Которые возомнили себя богами. Которые не понимают, кто их создал...

Поднимаю голову.

Только сейчас понимаю, что не вижу не только нижних этажей, но и верхних тоже.

– А... а эти где?

– Кто эти?

Незнакомый человек на лавочке.

– Ну... эти...

Даже не знаю, как сказать. Если начать объяснять про четвертое измерение, никто ничего не поймет, это точно...

– А всё... рассыпались.

– К-как рассыпались?

– Обычно, как...

Четырехмерный мир является очень непрочным, малей-

шее изменение расстояния между частицами влечет за собой сильнейшее изменение гравитации и разрыв связей между частицами, либо же коллапс частиц.

– Я тут посмотрел, что люди пишут...

– ...ну наконец-то.

– Так вот... я тут обнаружил, что вот про Амадеуса шесть человек писали... включая меня, семь... И у каждого истории-то разные.

– Разные?

– Ну... совсем. Разные.

Редактор хмурится. Лениво перелистывает две книги, ага, все-таки не читал.

– Черт... думаете... он нас вокруг пальца водил?

– Похоже, – хватаюсь за соломинку, – а... а может, позволить ему, а? Связаться с ним как-нибудь, поговорить...

Редактор вздрагивает:

– Издеваетесь?

– А... что такое?

– А то... ничего, что он умер позавчера?

Меня передергивает.

– Так я и думал.

– П-почему... так думали?

– Потому что... я до чего догадался... Он специально разные биографии свои давал...

– Зачем?

– Затем... я тут посмотрел, какие события повторяются

в его биографии во всех вариантах...

– И какие же?

– Пока нашел только два... где он даму в окне видит, и где гибнет четырехмерный мир...

– И что? Хотите целиком его биографию склеить?

– Да нет. Мне кажется, это шифр.

– Шифр?

– Ну да. Он в своей биографии зашифровать хотел что-то...

– Что – что-то?

– Гхм... а вот... он же говорил, секрет-то утерян, как четвертое измерение делать...

– Утерян.

– Так вот... может... зашифровал?

– И что? – редактор смотрит на меня с презрением, – по книжонкам по этим расшифруете?

– Постараюсь...

– Да вы уж постарайтесь, будьте так добры... дело-то важное...

– Принесли?

Смотрю на человека с лицом голодного хищника. Киваю.

– Принес.

Теперь я знаю, что это мой редактор. И много еще кто.

Протягиваю чемодан. Редактор хмурится.

– Это вы что... Схему конструктора измерений принесли?

А не много ли целый чемодан на неё?

– Не... это уже конструктор. Целый.

– Да ничего себе как быстро все делается...

Редактор, и еще много кто, открывает чемодан.

Смотрит в пустоту.

– Здесь... ничего нет.

Повторяю:

– Ничего нет.

– Это что... не получилось у нас, что ли? Думали-думали, так и не надумали ничего?

Молчу.

– Правильно... это только автор сделать может...

– Да нет, тут не в авторе дело.

А в чем?

– Не догадываетесь?

– Даже не представляю.

– А очень просто. Я вам его не принес.

– Не принесли?

– Ну. Знаю же, что вы конструктор этот уничтожить хотите.

– Откуда... знаете?

Так я же тоже чувствую, что вы в книге понаписали... про себя...

– А... конструктор...

– ...в надежном месте.

Редактор или кто он там бросается на меня, прижимается к стене, срывается на крик:

– Где он, я вас спра...

...спускаю крючок.

Не хотел я его убивать, честное слово, а вот пришлось... Я бы вообще сюда не пришел, если бы по сюжету не надо так было...

Сбрасываю убитого с крыши. Остаться здесь небезопасно, да и некогда, надо проводить, как там конструктор, да и воспользоваться им, наконец...

В терминале

Номер первый подходит к зданию, смотрит на две двери...

...нет, конечно, у человека не только номер, но и имя есть.

И фамилия. И очень может быть, что и отчество, смотря какой национальности человек, вот в России, например, отчества у людей есть, а вот в Великобритании, например, нету... (это страны такие)

Так что у человека и имя есть, и отчество, и национальность есть, француз там или китаец, и раса есть, и группа крови есть, и пол, (отсюда издали не видно, человек в брюках и куртке пришел), и семейное положение (судя по всему не женат / не замужем, если один/одна пришел/пришла), и вероисповедание, и много еще чего.

Только здесь он просто номер один.

Номер один, потому что первый пришел.

Итак, подходит, смотрит на две двери, на одной написано вход, на другой – выход.

В аэропортах всегда так.

Номер первый подходит к двери с надписью вход, двери раздвигаются.

Первое задание пройдено.

И остальные люди тоже первое задание прошли, простое же задание, вход и выход. Были, правда, и такие, которые к двери с выходом шли, дверь толкали, а она ни в какую.

Чего они там дверь толкали, непонятно, должно быть, думали, что ловушка какая-то...

Остальные над ними посмеиваются, еще бы, все правильно пошли, а эти вот как.

Люди заходят в зал. Номер восемнадцатый зачем-то достает паспорт. Номер пятнадцатый достает родной паспорт, а с ним еще и загран. Паспорта никто не спрашивает, ни заграничные, ни родные, номер восемнадцатый и номер пятнадцатый убирают паспорта назад.

Люди проходят магнитные ловушки, бросают вещи на ленту. Да, тут некоторые и вещи принесли. И немало. Вон, номер сто десять даже целый фургон с вещами привез, бегают, кричит, а куда фургон завозить.

А никуда.

И остальные вещи тоже – никуда.

...дружественная цивилизация согласилась помочь пережить апокалипсис, увезти жителей при условии, что...

Люди входят в зал, оглядываются. Номер пятисотый идет к магазинчикам сувениров, над кем-то посмеиваются, ишь чего выдумал, не туда ты идешь, не туда...

Люди смотрят расписание, люди думают, к какой из стоек регистрации подойти. Вон рейсы написаны, двадцать восемь, тридцать девять, сорок два...

(это цифры такие)

Вот и пойми, к какой стойке подходить.

Люди выбирают рейс двадцать-сорок восемь. Это год нынешний, если кто забыл, две тысячи сорок восьмой.

Ждут.

Кто-то спохватывается, что за стойкой никого нет, а чего мы тут стоим тогда...

Номер сто четырнадцатый смотрит в потолок. Номеру сто четырнадцатому всего три года, вот он в потолок и смотрит, когда умные люди в пол смотрят.

А он в потолок смотрит.

И видит

А там самолеты по потолку...

Другие люди головы поднимают, смотрят, и правда самолеты по потолку ездят, исчезают где-то в стене.

Кто-то пробует забраться по перегородкам на потолок, падает.

Снова пробует.

Снова падает.

Номер шесть миллиардов седьмой заходит в кафе, наливает себе в бокал что-то из бутылки, люди вокруг посмеиваются над ним, вот так, путь не найдет, так хоть выпьет. Шесть миллиардов седьмой тоже посмеивается, он умный, он найдёт путь, а кто сказал, что путь только через дверь, он, может, откроется этот путь, когда выпьешь чего-нибудь...

Нет.

Ничего не открывается.

Номер две тысячи одиннадцать подпрыгивает на месте.
Еще раз.
Еще.

До гибели земли осталось три дня.
Так что паники еще нет.
Паника будет, когда останется часа три.

Номер двести четырнадцать бормочет, чего распрыгался тут.

Номер две тысячи одиннадцать прыгает, поднимается к потолку.

Вытягивает руку, пробует остановить самолет.
Крылатая машина тормозит, замирает перед человеком.

- Он прошел проверку.
- Кто?
- Номер две тысячи одиннадцать.
- Обоснуйте.
- Вот он уже... в самолете...
- Нет... еще не прошел. Ждите...

Номер две тысячи одиннадцать снова прыгает, раз, два, три...

...снова падает вниз, в толпу людей, которые мечутся по терминалу, ищут путь, кто-то катается по багажной лен-

те, кто-то перебирает сувениры в лавочках, кто-то тычется во все двери...

Номер две тысячи одиннадцать дергает за рукав одного, другого, третьего, показывает в потолок, да вы посмотрите, посмотрите...

– А теперь он прошел?

– Теперь да, прошел...

– Сейчас он сюда придет... и можно его забирать?

– Ах, забирать? Ну, подождите-подождите, пока он сюда придет...

– Вы отрекаетесь от своей ереси?

– Да какая ересь, говорил я вам, нужно подпрыгнуть повыше, и...

– ...довольно, довольно. Приговаривается к смертной казни за ересь...

...раскол движения на фракции сторонников дальнего терминала и сторонников крайней лавочки с сувенирами...

– Он не вернулся...

– Я знаю. Они никогда не возвращаются.

– Но... почему?

– Это ты у них спроси... вот так путь найдут, пойдут остальных звать, и не вернутся больше...

Непомнящая память

Юн.

Нет, не то.

Ин-янь.

Тоже не то.

Не помню.

Моя память не помнит.

– Итак, дорогие зрители, а мы продолжаем наше реалити-шоу, угадай мир! Не переключайтесь! А мы представляем вам нашего участника, встречайте!

Встречают.

Меня.

Аплодисментами встречают, не люблю я аплодисменты, сам не знаю, почему, я же еще ничего не сделал, а мне аплодируют.

– Исследователь космоса, фотограф, путешественник, автор множества очерков, лауреат Нобелевской премии по астрофизике Этти Эшли!

Киваю. Да, это я. Сегодня меня зовут Этти Эшли.

– Итак, дорогой мой Этти, вы готовы стать героем для всего человечества?

– Ну... вроде да.

– А что так неуверенно? Вы справитесь, разве не так?

Итак, дорогие наши зрители, напоминаем, что сегодня решится судьба человечества! Наконец-то мы узнаем, какой из наших миров существует на самом деле!

Снова аплодисменты. Мысленно добавляю про себя – может быть.

– Итак, дорогой Этти, мы представляем вам тридцать миров, среди которых вам нужно выбрать настоящий...

Миры раскрываются передо мной, вырастают из пола – разные, не похожие не только друг на друга, но и сами на себя.

– Дорогие зрители, а мы напоминаем, что изначально нужно было выбрать настоящий мир из трех миллиардов миров. Однако, в предыдущих наших программах методом проб и ошибок было установлено, что большинство миров ненастоящие.

Вздых разочарования в зале.

– Тем будет проще нашему нынешнему участнику, у которого остались только тридцать вариантов!

Оглядываю миры. Их действительно тридцать. Ведущий верещит что-то у меня над ухом, итак, какую же вселенную вы выберите в качестве настоящей, быть может, вот этот мир, составленный из прямоугольных блоков, или вот эту вселенную, представляющую собой четырехмерный куб? Хочется заткнуть его, чтобы не верещал. Не затыкаю. Вместо этого говорю:

– А можно посмотреть... все варианты?

– Простите? Но вот же они, все, перед вами...

– Да нет. Все... три миллиарда.

– Однако, мы уже убедились, что они неверные, не так ли, дорогие зрители?

Повторяю:

– Можно посмотреть... все варианты?

– Ну что же, если дорогой Этти так настаивает, мы покажем ему все варианты, не так ли?

Смех в зале. Зал явно не на моей стороне. Неважно. Это не имеет значения. По крайней мере, для меня.

Оглядываю вереницы миров, прокручиваю, стремительно, выбираю подходящие варианты, этот, этот, этот, что-то многонько получилось, а нет, этот не подходит... А вот.

Есть.

Нашел.

– Этот.

– Прошу прощения? – оживляется ведущий, – номер тысяча двести тридцать восемь?

– Да.

– То есть вы хотите сказать, что мы на самом деле живем в мире, где в пустоте вращаются всполохи огня?

– Именно так.

– И... как вы себе это представляете?

– Обычно, как.

– И как же мы там держимся, не падаем? А ничего, что мы с вами стоим на полу, а не парим в пустоте? Ничего, что

человек привык стоять на полу?

– Да ничего.

– Смех в зале.

– Признайтесь, вы разыгрываете нас? – не унимается ведущий.

– Нет. Не разыгрываю.

– Ну, хорошо... давайте откроем этот мир. Напомню, последний раз мы открывали его две тысячи игр назад, и он оказался ложным...

– Этого не может быть.

– Ах, не может быть? – ведущий смеется, – ну, посмотрим...

Я открываю мир, который кажется мне настоящим. Натыкаюсь на пустоту там, где только что была вселенная.

Зал хохочет.

– Итак, увы, но Этти Эшли ошибся! Что же, не вы первый, и, боюсь, не вы последний. Но вы нас позабавили, честное слово...

Ведущий верещит что-то про поощрительные призы.

Ухожу под свист и улюлюканье зала.

Аянь.

Не то.

Уюн.

Тоже не то.

Это было месяц назад.

Нет, вру.

Два года назад.

Нет, все-таки месяц назад, миров-то всего тридцать осталось.

А у меня в памяти почему-то написано – два года назад.

Черт пойми, почему.

Неважно.

– Итак, дорогие зрители, сегодня, наконец, решится судьба нашего мира! Осталось всего две вселенных, и мы узнаем, какая же из них настоящая!

Аплодисменты.

– И мы представляем вам нашу участницу, Цунами!

Дородная девица машет рукой залу, зал аплодирует.

– Итак, дорогая Цунами, для начала расскажите нам, почему вы выбрали себе такое имя?

– Ну... я вся непредсказуемая такая... разрушительная такая... как Цунами...

Смех в зале.

– Отлично. Ну что же, дорогая Цунами, перед вами два мира, один из которых настоящий, вам предстоит выбрать, какой именно!

Цунами мнетя.

– Ой, ну даже не знаю я... А нет, дайте-дайте посмотрю...

Цунами смотрит. Мы смотрим вместе с ней на два мира, на мир, сложенный из блоков, и мир, где из земли торчат

зеленые нити, на синем небе светит что-то большое, круглое, желтое, горячее...

– Ой... ну... вот этот, наверное...

– Вы думаете, этот?

– Ну да... с желтеньким тут наверху...

– А почему именно этот мир?

– Ну... не знаю... он мне нравится.

– Вы хотите сказать, что это достаточный аргумент?

– А чего, нет? Я... это... ну, мне нравится... А если нравится, значит... ну... память моя помнит... что когда-то люди там жили.

– Значит, память помнит?

– Ну... Я помню... я во сне видела...

– Ну что же... ваш ответ принят... давайте попробуем...

– Давайте... – Цунами смущенно улыбается, открывает мир...

Мир тает.

– Черр-р-р-рт!

Вздрагиваю. Не думал, что она расплчется. Никак не думал. Зал сочувственно ахает, полюбились им эта дамочка, полюбились...

– Ну что же, дорогая моя Цунами, вы по крайней мере попытались, это уже хорошо. Вы получаете поощрительный приз, свой личный мир, построенный по индивидуальным дизайнерским проектам....

Аплодисменты.

– Ну а теперь, дамы и господа, у нас остался один-единственный мир, и теперь мы точно знаем, что он и есть настоящий! Итак, нам осталось только подготовиться к переходу в эту вселенную – и мы дома!

Киваю, ну-ну.

– ...мы создали слишком много виртуальных миров, и в конце концов забыли, какой из них настоящий.

Прикрываю глаза.

– Теперь мы, наконец, вернемся в родную вселенную...

Стараюсь не слушать.

Ведущий выключает иллюзии, оставляет нас наедине с настоящей вселенной.

Вздых изумления.

Крик ужаса.

Смотрю на черную пустоту, подсвеченную сиянием далеких огненных шаров.

Ведущий оторопело оглядывается на меня.

Киваю.

– Я знал, что так будет.

– Знали?

– Знал. Перелопатил горы воспоминаний...

Ведущий осторожно спрашивает:

– Мы обречены? Мы погибнем?

– Нет, не погибнем.

– Но... мы же не готовы к этому миру...

– Готовы. Мы всегда были готовы к этому миру. С тех пор,

как поместили сюда свои серверы... не беспокойтесь...

– Итак, у нас есть абсолютный победитель, Эtti Эшли!
Все оборачиваются, смотрят на меня.

Аплодисменты.

У меня в динамиках.

Оглядываю скопление металлических шаров, в каждом из которых живет сознание человека.

– ...вот человек, который смог предугадать, как выглядит настоящий мир...

Чье-то сообщение проскальзывает через речь ведущего:

– Разрешите вопрос?

– Да, конечно же.

– А... почему в прошлый раз вы открыли этот мир... а он оказался ненастоящий?

– Значит, в той модели мира чего-то не хватало. Мы сами до конца не знаем, как устроен наш мир...

Ведущий говорит что-то про главный приз, я его не слушаю, я выискиваю среди людей одно-единственное сознание, а вот...

– Цунами?

Цунами не слышит меня, всхлипывает.

– Я же... я же во сне видела...

– Да, вы правы.

– А?

– Вы правы, – кричу во весь голос, – это она права! Это она выиграла!

– Она? – ведущий смотрит на меня, как на психа, если здесь вообще применимо понятие «смотрит», – Но... Здесь нет ничего похожего... в этом мире...

– Да, сейчас ничего похожего... Но когда-то всё было именно так...

– Когда?

– Даже не знаю, сколько веков прошло... миллионы... миллиарды... а вы помните...

– У меня память помнит, – добавляет Цунами.

Поворачиваюсь к ведущему:

– А вы можете этот мир еще раз показать? Этот... который настоящий был?

– Конечно...

Снова зеленые линии тянутся из земли, снова светится в синей пустоте желтый шар.

Моя память тоже начинает вспоминать.

И-юнь.

Два цветка на годовщину

Джессика сердится, почему он не звонит, почему не звонит...

Он никогда не звонит.

А Джессика всё равно сердится.

Потому что.

Джессика хочет позвонить сама, а нельзя звонить самой, Джессика не знает, почему, но – нельзя, вроде бы и времена давно прошли, когда бабушки наши первые звонить не смели, а все равно, нельзя звонить, нельзя...

Смотрю на экран.

Хорошо кто-то играет Джессику, надо бы посмотреть, кто играет.

Джессика набирает номер.

Длинные гудки.

Щелчок.

– Я перезвоню.

Короткие гудки.

И всё.

Джессика коротко всхлипывает, знала же, что ничего хорошего не выйдет, зачем звонила, зачем...

Смотрю на экран.

Хорошо играет.

Та, что играет Джессику.

И этот тоже хорошо играет.

Тот, кто играет Антона.

Антон ходит по комнате, отчаянно жестикулирует, глаза горят, я даже вижу, как пульсирует жилка на шее...

– Ну вот, смотри... сюда переносится человеческое сознание...

– Зачем?

– Ну как зачем, как ты не понимаешь, это же можно сознание человеческое на компьютер в челноке посадить и в космос забросить!

– А челноки, это эти, которые из Китая всякое возят... шмотки всякие... а я на китайском была, ну на рынке, там это... там спереди как бы блузка, а дальше как фрак, и тут еще брошь такая...

Антон сжимает виски ладонями.

– Неисправимая... совершенно неисправимая...

Смотрю на экран.

Хорошо играет.

Этот, который за Илью, тоже хорошо играет. Джессика его цветами по лицу бьет, а он даже не закрывается.

– Наташ, я что хотел-то...

– Да не Наташа я никакая, тебе паспорт показать, что я

Джессикой стала?

– Да я...

– Вон пошел отсюда, чтобы я не видела тебя больше!

Джессика набирает номер.

Длинные гудки.

– Да не звони мне больше, задолбала уже!

А вот теперь она как-то переигрывает. Эта. Которая Джессику играет. Как-то неестественно на ковер упала, всхлипывает. А вот этот хорошо сыграл, который за Антона, телефон в угол отшвырнул так, что тот разлетелся, снова за свои датчики хватается, или что у него там...

Джессика набирает номер.

Длинные гудки.

Ну почему Илья не отвечает, почему-почему-почему...

Джессика швыряет телефон в стену. Как-то неудачно эту сцену смонтировали, вот телефон летит, вот обломки падают, и видно, что не от телефона обломки, а непонятно от чего.

А лучше всех этот играет.

Который за Илью.

Сидит на совещании, вздрагивает, когда звонит телефон, смотрит на экран...

– Илья, вам особое приглашение нужно, чтобы телефон

отключили?

– Наташка...

– Илья, вы меня слышите?

Не слышит, перезванивает...

– Абонент, вызываемый вами, находится вне зоны...

– Алло?

Как-то не верю, Джессике Антон звонит, который на днях послал её куда подальше, а она к телефону кидается...

Женщины...

Что с них взять...

– Джессика... ты сегодня вечером зайти можешь?

Ага, краснеет Джессика, натурально так краснеет...

– Ой... ну как так прямо сразу...

– А как надо?

– Ну... не так...

– А как не так?

– Ой... ну не знаю я...

– Не, серьезно... ты извини, не знаю я все это... в кино там, в театр, куда там сейчас ходят... в ресторан...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.